

СПЕКТАКЛИ ОСЕТИНСКОГО ТЕАТРА

Театральный сезон 1938—1939 года государственного театра Северной Осетии открыл пьесой национальных драматургов Б. Бодиева и Г. Плиева «К жизни». Не обладавшие достаточным драматургическим опытом авторы дали театру пьесу-хронку, лишённую основного стержня, не имеющую главных героев. Отобразив события гражданской войны в Северной Осетии, пьеса представляет собой ряд не всегда удачно связанных между собой картин, перегруженных выстрелами и убийствами. Многочисленные сценические и драматургические недостатки пьесы не были до конца устранены театром в период работы над ней, и пьеса прошла на уровне рядовой постановки, не вызвав большого отклика у зрителя. Очень мало зала эта пьеса и актерскому коллективу для его творческого роста.

Театром также были показаны пьесы Карасева «Огонь маяка» и Арбузова «Таян».

Большой ошибкой театра в бывшего руководства Управления по делам искусств нашей республики явилось включение в репертуар театра пьесы Арбузова «Таян». Написанная по сути дела только для одной актрисы, играющей главную роль, пьеса гораздо более интересна как литературное произведение. Коллектив Осетинского театра не нашел в своем составе актрисы на роль Таян, его Таян была не убедительна и чужда зрителю. Он не понял и не принял этой пьесы.

Театр, выбрав эту пьесу, показал, что он плохо еще знает своего зрителя, не всегда считается с его запросами, и поэтому был крепко наказан за свое нежелание считаться с растущими запросами зрителя. Достаточно для иллюстрации привести такой факт. В Северо-Осетинском педагогическом институте, где насчитывается более 2000 студентов, на следующую постановку было взято только 12 билетов из опасения снова увидеть спектакль такого же низкого качества, как «Таян».

Работая уже четвертый год, поставив ряд произведений национальной тематики, европейской классики и советской драматургии, Осетинский театр впервые обратился в такому крупнейшему драматургу, как А. Н. Островский. Театр поступил правильно, выбрав из большого и блестящего наследия Островского именно «Грозу». В этой драме Островский, глубоко национальный русский драматург, рисует темное перство в протест против его гнета, понимается во больших высот мировой драматургии, близкой и понятной всем народам. Наконец, трагедия Катерины, загубленной лики гнетом, не может остаться чуждой зрителю, хорошо понимающему крепостные женщины-осетинки прежним, деревенско-общинным семейно-бытовым укладом.

Как же справился театр с ответственной задачей — впервые показать своему зрителю Островского?

Режиссура и коллектив нежало пора-

ботали над «Грозой» и в итоге зритель имел возможность позагаомниться с Островским в удовлетворительном исполнении, получил неплохой в целом спектакль.

Однако, зная творческие возможности коллектива театра, вужно прямо сказать, что театр мог дать «Грозу» лучше.

Промехи театра в «Грозе» идут прежде всего от режиссуры (режиссер-постановщик Е. Г. Маркова). Желая дать возможность большому числу актеров работать над образами «Грозы», режиссер при этом мало учитывал индивидуальные особенности актера. Отсюда получалось, что такие бесспорно оаренные актеры, как В. Халпаев и М. Паликов, оказались не на своем месте. Вместо обязательного Бузгина, самочки, стремящегося изобрести «вечный двигатель», Цаликов своей внешностью и поведением на сцене в даже взаимоотношениях напомнил робкого, забитого чащовника-еврея прошлого столетия.

Оказавшийся не на своем месте даровитый Халпаев в роли Гихона проявлял только слязливость в мотоватности, не дав яркого образа приваляющего Кабанихой, но искренно любящего Катерину, душевного по своему, человека. Явно неудачен Дикой (арт. Хугаев) и, чувствуя это, режиссер пошел на то, чтобы снять первую картину третьего акта, где Дикой показан Островским во всей своей неприглядной прасе. У Хугаева не нашлось красок для изображения Дикого даже на том небольшом материале, который ему оставил режиссер.

Актер Балзаев в роли Бориса бледен и бесцветен. Это не Борис Островского с мяотью и кровью, а движущийся ма-

кетев с хорошими словами и предлагаемыми хорошими чувствами.

Разудалый сердцем Кудряш дан артистом Кокоевым грубо и прямолинейно. Варвара (С. Исаева) слишком кокетлива и развязна, глубина образа не чувствуется.

Большой удачей спектакля является образ Кабаниха (В. Каргинова). Артистка хорошо повязала драматурга и от нее веело молившимся Островским. Жаль, что режиссерские мизансцены не всегда подчеркивают значение Кабанихи в темном царстве.

Артистка Карчева могла бы дать хороший образ Катерины, и она в значительной мере справилась со своей задачей в 4 и 5 актах. Но режиссер повел ее в начале пьесы иным путем и засушил Катерину, этот «луч света в темном царстве» по определению Н. А. Добролюбова. От режиссера идет подчеркивание обреченности Катерины на неизбежную гибель, вачате с первого же появления Катерины, когда по Островскому она, охваченная любовью к Борису, еще далека от габела в действительности блещет солнечным лучом среди зверяных рыл и мохватых сердец. Этот блеск внутренней красоты Катерины затупил режиссером, и образ ее значительно потусквел.

Массовые сцены в 4 и 5 актах и хорошо задуманный проход каиновских обывателей из церкви по бульвару не коледаны режиссером. Участники массовых сцен плохо понимают свое положение, беспомощно толкуются или жмутся к стенке.

Мало помог спектаклю художник Бочетов. Его оформление 1 и 5 актов неудобно для актеров. Волжский пейзаж сделан без учета места действия. Ком-

ната в доме Кабанихи попросту неудачно велена, пустынна и необжита, отнюдь не символизирова тейного царства своим какми то неправдоподобным входом своеобразного вида.

И все же при всех отмеченных недостатках «Гроза» в постановке государственного театра неплохой спектакль, вужный и зрителю, и театру. Осетинский зритель получал возможность узнать Островского, а театр, работая над «Грозой», обогатил себя и открыл перед коллективом перспективы дальнейшего творческого роста.

Отдельные актерские неудачи объясняются также и тем, что коллектив, работая над «Грозой», не привлек на помощь себе все богатое творчество Островского, особенно такие пьесы, как «Горючее сердце», «Не все коту масленица» и др. Детальный разбор этих пьес, знакомство с творчеством великого драматурга несомненно помогло бы актерам глубже понять Островского и полнее передать образы «Грозы».

С постановкой «Грозы» театр стал на путь серьезной творческой работы над яркими образами, над глубокими характерами. Осетинскому зрителю нужны пьесы с такими образами и характерами, пьесы больших чувств и большого звучания. Такие пьесы театр может найти и в классическом наследии русской и европейской драматургии и в советской драматургии. И таких именно пьес он вправе требовать от своих национальных драматургов. Театр и зритель ждут от писателей нашей республики пьес национальной тематики большой глубины и яркости.